Но это не было поводом для беспокойства – возможно, её рука слишком сильно дрожала, чтобы что-то чувствовать. Чжоу Фэй слегка прикусила язык, заставляя себя успокоить бешено колотящееся сердце. Она потянулась к пульсу на шее старейшины Юя, затем на его груди, затем на виске... Но каждый раз она по-прежнему ничего не чувствовала. Чжоу Фэй едва не обругала старика.

Что за странную технику остановки сердца практиковал этот старый ублюдок! Как это могло казаться таким реальным?

«Похоже, он всё ещё жив! Пусть старейшина Чжао придет сюда! - Она позвала учеников позади себя, не оборачиваясь. - Он всё ещё...»

В этот момент она почувствовала, как чья-то рука схватила её за запястье. Чжоу Фэй обернулась, только чтобы увидеть, что Се Юнь стоит позади нее.

- ‘Мороз до костей’ - один из самых смертоносных ядов в этом мире. Любой, отравленный им, сначала почувствует холод, который распространится из глубины его костей. Затем бедолага начнёт застывать, в конце концов, становясь жестким, как марионетка, и, наконец, попадет в ловушку своего собственного твердеющего тела, пока не умрёт. После смерти трупы несчастных становятся ледяными, а лица окрашиваются в зеленый цвет. Вот почему он называется ‘Мороз до костей’. - Се Юнь одной рукой мягко удерживал Чжоу Фэй от её отчаянных прикосновений к телу старейшины Юя, в то время как другая его рука оставалась за спиной. Он тихо сказал: - Говорят, что Пилюля Возвращения Солнца - единственное противоядие от этого яда. Хотя формула этой пилюли была навсегда утеряна с уничтожением Великой Долины Медицины, вполне возможно, что некоторые из них остались с «Морем Сливается с Небом». Я слышал, что хотя Пилюля Возвращения Солнца способна вылечить ‘Мороз до костей’, те, кто её употребляет, очень легко обезвоживаются, и им нужно провести остаток своей жизни в чрезвычайно влажной и сырой среде...

Он посмотрел на старейшину Юя с непроницаемым выражением на лице.

Чжоу Фэй поспешила спросить:

- И что же?

Се Юнь слегка наклонил голову, чтобы посмотреть на Чжоу Фэй. Она смотрела на него своими большими глазами, широко раскрытыми и немигающими. На её щеке было какое-то пятно, а на нижней губе виднелись трещинка.

Пальцы Се Юня слегка шевельнулись, и он едва не потянулся, чтобы стереть грязь с её щеки.

Чжоу Фэй была хорошенькой. Он должен был признать, что это была одна из причин, по которой она ему сразу понравилась, когда он впервые увидел ее, и именно поэтому он всё это время думал о том, как компенсировать ей сломанную саблю.

А потом, позже, после той случайной встречи в темнице, расположенной в горах, они всё больше и больше узнавали друг друга по пути, весело ссорились и по-настоящему поладили. Для Се Юня стало почти обычным делом провоцировать её и приглядывать за ней тоже. Иногда он даже думал, что пока он может видеть, как она время от времени расплывается в редкой, безмолвной улыбке, он может сделать и сказать почти всё, что угодно, чтобы поднять ей настроение. Во всяком случае, у него было не отнять юмора и красноречия.

Но теперь Се Юнь испытывал странное чувство – через выжидающий взгляд Чжоу Фэй часть его прошлого, которая была отчуждена от него временем и пространством, внезапно снова ожила. Его язык, казалось, одеревенел, и он был не в состоянии произнести ни единого слова утешения. Вместо этого он сказал с жестокой честностью: «...поэтому, когда они умрут, их трупы не будут ни жесткими, ни холодными, и останутся такими в течение нескольких дней. На ощупь они ничем не отличаются от живых существ и начинают разлагаться только много дней спустя. Вот почему его рука всё ещё теплая».

Его слова были подобны ведру ледяной воды, обрушившемуся на головы учеников, которые ворвались вслед за Чжоу Фэй. Ли Янь зажала рот руками.

Глаза Чжоу Фэй потемнели так же быстро, как и прояснились.

Но сердце Се Юня, казалось, внезапно превратилось в камень. Даже не дав Чжоу Фэй возможности отдышаться, он продолжил: «Кроме того, тебе лучше уладить всё здесь как можно быстрее. Гу Тяньсюань сейчас был не совсем в невыгодном положении, и его немедленное отступление после единственной попытки атаки не совсем похоже на Большую Медведицу, которая обычно преследует свою добычу до самого конца. Это означает, что у него, вероятно, есть что-то ещё в рукаве».

Чжоу Фэй, казалось, ещё не полностью пришла в себя. Она непонимающе посмотрела на него.

- Двадцать лет назад, даже после смертельного отравления бывшего главы 48 крепостей, огромная четверка Большой Медведицы всё ещё не смогла разрушить это место. Двадцать лет спустя, ты думаешь, они ожидали, что мятеж Башни Минфэн в одиночку уничтожит ее? - Се Юнь покачал головой. - Сегодня всё по-другому. В то время Цао Чжункунь рассматривал 48 крепостей только как фракцию боевых искусств, которая была несколько неуправляемой. Увлечённый войной против Южной династии, он был слишком занят, чтобы отвлекаться на что-то другое, поэтому послал сюда только нескольких своих приспешников. Но не в этот раз. Есть ли у тебя какое-нибудь представление о том, что такое десятки тысяч солдат? Это не кучка одетых в черное людей из Большой Медведицы.

Как только он это сказал, они услышали шум снаружи. Слегка растрепанный на вид ученик подбежал, шлепая по воде. Чжоу Фэй повернулась к нему.

- Чжоу Шимэй! - крикнул ученик. - Шишу Чжао приказал тебе немедленно прийти в Зал Старейшин!

Чжоу Фэй стояла там, немного растерянная, держа всё ещё теплую руку старейшины Юя в своей.

- Зачем? – спросила она.

Ей показалось, что она произнесла эти слова вслух, хотя она только беззвучно шевелила губами. Ученик вошел в павильон и сразу же оказался лицом к лицу с трупом старейшины Юя, сидящим прямо на своём стуле. Его колени подогнулись, и, отшатнувшись, он быстро ухватился за дверной косяк, чтобы не упасть. Он не заметил, что с Чжоу Фэй что-то не так.

Вытирая слезы с лица, Ли Янь схватила этого ученика за рукав и настойчиво спросила:

- Шисюн, что случилось?

Этот ученик всё ещё в шоке смотрел на старейшину Юя, когда он тупо открыл рот и начал говорить:

- Старейшина Линь отбил первую волну атаки этих войск, вынудив их отступить, а также прервал большую часть наших сообщений с городом у подножия гор. Мы только что получили сообщение с наших секретных постов внизу, что после того, как войска ложной Династии отступили, они окружили и захватили город…

Даже Ли Янь могла понять, что это значит – Большая Медведица планировала заманить их в ловушку в 48 крепостях!

Несколько учеников вскрикнули в шоке.

Этот ученик слегка вздрогнул, наконец, собравшись с мыслями. Оторвав испуганный взгляд от трупа старейшины Юя, он мужественно подавил свой ужас и повернулся к Чжоу Фэй:

- Секретные посты у подножия горы сообщают, что войсками руководит «Алькаид» Лу Яогуан. Однако главным ответственным лицом является чиновник из Ложной династии, к которому Лу Яогуан относится с чрезвычайным уважением.

Се Юнь мрачно сказал:

- В мире боевых искусств есть свой собственный жестокий кодекс поведения, в то время как у императорского двора есть свои собственные презренные способы – кроме окружения этих городов, делал ли этот ответственный человек что-нибудь еще?

Ученик обратил свой испуганный взгляд на Се Юня, как будто он был шокирован его проницательностью. Он пробормотал:

- Он... он приказал своим людям «искоренить бандитов» в городе.

Чжоу Фэй была в городе в самом начале этой ночи и поспешила сюда из-за необычной суматохи в 48 крепостях. Она немного разминулась с войсками Ложной династии. Шум городской гостиницы всё ещё звенел у нее в ушах, к нему примешивался стук деревянных кастаньет старого барда, и этот гул разносился по всей главной улице, где крестьяне жили в почти утопическом комфорте и спокойствии...

Смущение ясно отразилось на её лице, когда Ли Янь спросила:

- В городе? Там всего лишь обычные крестьяне, какие там могут быть бандиты?

- Те, кто вступил в сговор с врагом и предал империю, - ответил Се Юнь, прежде чем ученик смог заговорить. - Тем, кто восхвалял бандитское гнездо 48 крепостей и его лидеров, будет предъявлено обвинение в «критике императорского двора»; те, кто вел дела с 48 крепостями, продавая им припасы, будут считаться «финансируемыми бандитами»; а те, кто получил защиту 48 крепостей и поэтому отказался платить налоги правительству, конечно, будут помечены как «приспешники горных бандитов»... В этом нет ничего удивительного. Пока императорский двор желает, он может объявить, что все деревни и города в радиусе десяти миль от 48 крепостей являются преступными группировками, и что даже жуки, которые залетают в эти города, виновны в соучастии. Они даже смогут представить конкретные и убедительные доказательства так называемой преступной деятельности.

Се Юнь тихо усмехнулся. Хотя обычно он выглядел как беззаботный молодой дворянин, сейчас его слова были резкими, как ножи, и, казалось, были пропитаны леденящей отчужденностью Чернильной реки. Его пристальный взгляд скользнул по Чжоу Фэй, Ли Янь и другим ученикам, когда он негромко произнес:

- Разве вы не слышали этого раньше? «Если дело не будет сделано настолько масштабным, насколько это возможно, оно не сможет привлечь достаточного внимания. И для того, чтобы человек, ведущий дело, мог претендовать на как можно большее влияние, нужно привлечь как можно больше людей. Это позволит монарху чувствовать себя в безопасности, в то время как его подчиненные используют это, чтобы заручиться его благосклонностью. Люди будут обижены в процессе, но это неизбежно*». У этого чиновника явно дурные намерения – когда Большая Медведица тогда изо всех сил атаковала 48 крепостей и потерпела неудачу, они, должно быть, были очень смущены неудачей. Похоже, с тех пор они усвоили урок. На этот раз они перепутали дела мира боевых искусств и императорского двора.

* это знаменитая фраза из «Руководства по созданию ложных обвинений», книги о том, как подставить других с помощью имперской судебной системы, которая была написана печально известным чиновником Лай Цзюнчэнем (умер в 697 г.) из династии Тан, причём исходя из собственного опыта. Способность Лая ложно обвинять должностных лиц в преступлениях и ужасные методы пыток, которые он изобрел и использовал, сделали его предметом страха и ненависти.

Ржавчина, казалось, образовалась на шестеренках в голове Чжоу Фэй, так что ей нужно было очень усердно думать и очень пристально вглядываться сквозь густое облако тумана перед глазами, прежде чем она смогла понять, что говорит Се Юнь.

Он был прав.

В 48 крепостях была целая сеть секретных постов, здесь был Зал Старейшин, здесь был Линь Хао, здесь было множество мин-ловушек и сторожевых постов, которые были неизвестны посторонним... даже если бы Минфэн взбунтовались, они не пали бы так легко.

Когда Гу Тяньсюань был вынужден поспешно отступить, Ложная династия немедленно привела в действие свой план Б «окружить Вэй, чтобы спасти Чжао»*, нанеся удар по слабости 48 крепостей вместо того, чтобы начать атаку в лоб.

* выражение, употребляемое по примеру боя под Гуйлином в 4-м в. до н. э., для боевого приема отвлечения сил врага ударом по его тылам.

Город у подножия гор Шу был так же близок, как сосед 48 крепостей, каждая сторона поддерживала и помогала другой. Под компетентным руководством Ли Цзиньжун этот регион превратился из сельской глуши в безопасное, комфортное убежище даже в эти неспокойные времена. Здешние крестьяне совершенно отличались от тех испуганных беженцев у подножия гор Хэн – так что, если бы на них напали имперские войска, эти люди, которые давно привыкли к миру, вероятно, были бы слишком потрясены, чтобы отреагировать.

Было бы довольно удобно обвинить этих несчастных крестьян в том, что они «бандиты». Таким образом, даже если бы Ложная династия, в конце концов, не смогла сломить оборону 48 крепостей, Большая Медведица и имперские войска не вернулись бы с пустыми руками. Они все равно могли бы сообщить, что успешно захватили значительное число «бандитов».

Несмотря на все это, 48 крепостей, безусловно, могли бы держать свои двери плотно запертыми и закрывать глаза на тяжелое положение этих крестьян. Тем не менее, 48 крепостей с самого начала установили, что это своего рода логово «Робин Гудов», защищающих невинных и отстаивающих справедливость и добродетельность. Если бы они действительно оставили этих крестьян на произвол судьбы, сделав их козлами отпущения, это не только легло бы тяжелым бременем на их совесть, они никогда не смогли бы смириться с этим!

Тот ученик перед ними не мог не взглянуть на Се Юня, прежде чем кивнуть Чжоу Фэй:

- Он прав. Чжоу Шимэй, старейшина Чжао говорит, что если они будут продолжать в том же духе, мы никак не сможем держать наши двери запертыми и продолжать защищаться. Похоже, это будет тяжелая битва. Он приказал тебе немедленно отправиться в Зал Старейшин. У него есть срочные инструкции для тебя, он хочет, чтобы ты немедленно покинула 48 крепостей и сообщила об этом госпоже Ли.

Чжоу Фэй невольно вцепилась в безжизненную руку старейшины Юя, которая всё ещё была необычайно теплой – она поняла, чего они хотели: чтобы она сбежала, пока ещё могла.

Старейшина Чжао только что попросил её «быть полезной», но ему потребовалось меньше часа, чтобы передумать. Это могло означать только то, что ситуация у подножия гор была крайне тяжелой.

Когда Чжоу Фэй была совсем одна, она не испытывала никаких угрызений совести, бросаясь с головой в опасность. Она даже хитроумно сумела воспользоваться хаотическими обстоятельствами, чтобы получить то, что хотела. Когда она была со своими друзьями, которые нуждались в защите, она должна была обеспечить им безопасность, проявляя великую терпимость ради них. Но теперь, когда за её спиной были все 48 крепостей, охватывающие всё, от этих тихих, возвышающихся гор, до этих беззаботных маленьких чайных, ресторанов, рынков и домов у подножия... Она чувствовала себя так, словно была крепко связана тысячами металлических струн Цянь Цзи. Если бы она сделала хотя бы выдох, какая-то часть ее тела могла быть отрезана.

«Я...» - Чжоу Фэй тщетно пыталась привести в порядок свои мысли. Забыв, что прямо перед ней всё ещё сидел мертвый мужчина, она невольно сделала шаг вперед, потянув старейшину Юя за руку. Юй Лао резко наклонился вперед, упав головой вперед на землю.

Чжоу Фэй отчаянно поймала его, прежде чем он упал на пол.

Она подумала про себя: я даже не знаю, смогу ли снова включить струнную машину.

В этот момент Чжоу Фэй почувствовала покалывание в носу, когда волна беспомощности и отчаяния захлестнула ее, застряв в горле, как рыбья кость, которую невозможно выплюнуть или проглотить.

Только Се Юнь, стоявший рядом с ней, увидел, как её глаза покраснели.

Его сердце смягчилось в тот самый миг, когда он подумал про себя: забудь обо всем этом, она должна уйти.

Выживание всех 48 крепостей не должно давить на эти хрупкие плечи. Это было бы уже слишком.

Вспомнив, как резко и эффективно он только что говорил, как будто его прошлое «я» вернулось, чтобы снова овладеть им, он не мог не подумать, насмеяхась над самим собой: ты, слабак и трус, неужели ты действительно думал, что сможешь искупить свою вину сейчас, через эту девушку, когда ты даже тогда не мог этого сделать?

Он покачал головой, рассматривая профиль Чжоу Фэй в тусклом свете лампы. При свете её

черты казались нежными и безупречными, кожа сияла, как фарфор, а глаза были чистыми, как хрусталь. Ее, безусловно, можно было считать красавицей.

Се Юнь испытал внезапное желание позволить ей упасть в его объятия и хорошенько поплакать, пока бы он нежно гладил её по волосам. А потом, как того хотели её старшие, он увез бы её из этого места.

Что касается того, что произойдет после… В эти неспокойные времена не было ли слишком распространенным явлением, когда чей-то дом разрушен, а семья разлучена?

Когда Чжоу Фэй наклонилась, чтобы поддержать старейшину Юя, рев бурлящих вод Чернильной реки наполнил её уши. Выпрямив его тяжелое тело, она вспомнила, как Юй Лао впервые заставил её сесть в этом маленьком павильоне, прямо посреди страшной реки, закрыть глаза и «попрактиковаться». Он заставил её сделать это после того, как она была поймана в ловушку струнной машиной раз за мучительным разом.

«Бесполезно просто слепо повторять свои ходы снова и снова. Все эти уличные артисты повторяют одни и те же сальто и акробатические трюки снова и снова каждый день, но как ты думаешь, им вообще удалось изучить какой-нибудь цингун? Ты должна успокоиться. Не беспокойся и не нервничай. Вырви из своей головы каждую отвлекающую мысль, одну за другой, и отбрось их все в сторону. Только тогда ты сможешь ясно и внимательно взглянуть на свою собственную саблю. А если ты этого не сделаешь, то как ты рассчитываешь достичь чего-то стоящего? Если ты спросишь меня, все эти металлические струны в лучшем случае превратят тебя в прыгающую блоху».

«Не волнуйся и не нервничай. Вырви каждую отвлекающую мысль из своей головы, одну за другой, и отбрось их все в сторону». Чжоу Фэй глубоко вздохнула, мысленно повторяя эти слова в своей голове. Слегка согнув спину, она довольно долго стояла рядом со старейшиной Юем, опустив глаза, и выглядела так, словно прислушивалась к шепоту мертвых.

Хм! Она ещё не была на грани смерти!

Чжоу Фэй резко выпрямилась, едва не задев протянутую руку Се Юня, которую он неловко убрал. Подобно тонкому бамбуковому стеблю, даже тоньше деревянной палки, любой порыв ветра мог согнуть её в талии. Но всякий раз, когда у нее появлялась хоть малейшая возможность отдышаться, она всегда могла встать самостоятельно.

Се Юнь сжал пальцы в ладони, глядя на нее с некоторым удивлением.

- Приведи сюда двух учеников, - проинструктировала Чжоу Фэй. - Пусть они отнесут старейшину Юя наверх. Кто-нибудь здесь знает, как управлять струнной машиной? Забудьте об этом, никто из вас не подходит. Я попробую. После того, как я снова включу ее, я пойду с тобой и старейшиной Юем в Зал Старейшин.

Кто-то не удержался и спросил:

- Мы должны отнести старейшину Юя в Зал Старейшин?

http://tl.rulate.ru/book/33015/2444865